

ЧТО может быть прочнее металла? — Таким вопросом часовых дел мастер, беженец из Баку, ныне проживающий в Ереване Петрос Мнацаканович Мирзоян часто начинает беседы с молодежью. И сам отвечает:

— Люди...

О чем он, участник двух войн, ветеран труда, кавалер многих боевых наград, думает в эти минуты? Возможно, ему вспоминаются те несколько железных осколков, которыми был ранен на подступах к Берлину, и суровый приговор армейского хирурга: «Готовить к ампутации нижних конечностей». А может, то, как сеяли фашисты с воздуха огонь и смерть на украинскую землю и ползли, ползли танки с черными крестами по большакам Смоленщины? Или как полчища врага с трех сторон обложили Москву, рвались к Волге и горам Кавказа?

Не знаю. Но на фронте, рассказывал Петрос Мнацаканович, он часто вспоминал родную деревушку Атерк, что приютилась у подножия седого великана Мрова в Нагорном Карабахе. Здесь в Арцахе он родился и вырос. Здесь, на берегу горной реки Тертер, он дал клятву верой и правдой служить Родине, когда земляки провожали его в армию.

...Боевое крещение Петрос получил еще в 1939-м во время штурма линии Маннергейма. После белофинской уже офицером продолжал службу на западной границе в небольшом украинском городке.

22 ИЮНЯ 1941 года. Горестно памятная дата... И если в других городах война начнется завтра, через неделю, через месяц, то сюда, в пограничный городок, она ворвалась сразу. На рассвете в гарнизоне объявили боевую тревогу. Просыпались, а вокруг — страшный грохот. Город бомбили. Прямым попаданием разнесло склад. Снесло крышу с казармы.

«Нет, это не провокация!» — мелькнуло в сознании Мирзояна, и он бросился к зенитчикам. Земля дрожала под ногами. Стволы зенитных пушек раскалились. И вот уже расстроились боевые порядки вражеских бомбардировщиков. Три «юнкерса», оставляя за собой чадные шлейфы, понеслись к земле... Отличившегося в первых боях младшего лейтенанта Мирзояна направили за пополнением на станцию Вафинатку. Через несколько часов он уже вел колонну новобранцев прямо на передовую. Сил для обороны было явно недостаточно. Так что Мирзоян подоспел вовремя. Хорошо ориентируясь на местности, молодой офицер предложил устроить в врагае, что

на опушке леса в ста метрах от штаба, засаду. Получив «добро», Петрос Мирзоян вместе с прибывшим пополнением без промедления занял позицию. Оглянулся на необстрелянных солдат.

— Подпустить фашистов поближе. Без команды не стрелять.

Томительные минуты ожидания. И вот из леса показались серо-зеленые фигуры. Гитлеровцы, видимо, считая, что застанут наше охранение

ПРОЧНЕЕ МЕТАЛЛА

врасплох, шли в полный рост, не маскируясь. Когда до них осталось всего несколько десятков метров, Мирзоян скоординировал:

— По фашистским захватчикам огонь!

Одна за другой полетели во врага гранаты, застрочил пулемет, зацелкали винтовки. Быстротечной была схватка, яростной. Гитлеровцы, оставив на поле боя десятки трупов, в панике бежали. Получил раненку и Петрос Мирзоян. Орден Красной Звезды ему вручили уже в госпитале. После выздоровления Мирзоян вернулся в родной полк, принял роту. Под натиском превосходящих сил противника наши войска с тяжелыми, кровопролитными боями отходили на восток.

ЧЕРЕЗ сколько боев ему пришлось пройти! Порой даже самому не верилось, что судьба сохранит ему жизнь. Но дороже всего на свете, дороже самой жизни была для него Победа. И ради нее снова и снова поднимался он бить врага. Многие фронтовые версты отмерил отважный офицер. Сталинград и Курская дуга, форсирование Днепра и освобождение Белоруссии... Но особенно памяты для Петроса Мнацакановича бои за польский город Остроленко.

Нашему командованию стало известно, что фашисты задумали жестоко расправиться с местным населением. Оно решило во что бы то ни стало помешать этому и предприняло решительное наступление. Роте Мирзояна была поставлена задача атаковать противника со стороны западной окраины города. Здесь, как оказалось позднее, гитлеровцы сосредоточили до одного пехотного полка с танками.

Первая атака не увенчалась успехом. Наткнувшись на хорошо организованную глубокую оборону противника, наши бойцы были вынуждены залечь. А вскоре гитлеровцы сами перешли в контратаку. Не считаясь с потерями, враг все наседал. Стойко держались наши воины. Особенно отличился земляк Мирзояна — пулеметчик Гурген Багрян. Оставшись один на правом фланге роты, несколько раз менял огневую позицию и метким огнем унич-

тожил более 25 вражеских солдат.

Умело управляя боем, Мирзояну постепенно удалось стабилизировать положение. К вечеру фашисты отступили. На пути развавшейся к центру города роты Мирзояна стояло многоэтажное здание школы. А во дворе, среди деревьев, располагалась фашистская батарея. Чтобы пушки в качестве трофеев не достались нашим бойцам, гитлеровцы решили взорвать их, начинив стволы толовыми шашками, но не успели. Молниеносной атакой рота захватила батарею. За освобождение Остроленки Петрос Мирзоян был награжден орденом Александра Невского.

Весна 1945-го... Даже не верилось, что когда-то немецкие войска были на подступах к Москве и Сталинграду. «До Берлина — 100 км, 60 км...» Эти указатели на фронтовых дорогах как бы говорили: «Скоро победа. Быстрее вперед!». Без малого четыре года пробивались наши бойцы к логову Гитлера. И не было для Мирзояна и его подчиненных ничего желаннее, чем дойти до Берлина, свершить свой правый суд над теми, кто вверг человечество в пучину долгой, изнурительной, кровавой войны.

«Д ОРОГАЯ мама! Здравствуй. Прости, что пишу редко. Нет времени. Мы продолжаем бить фрицев в их логове. Радуйся, мама, Победа близка. Недавно я допрашивал двух немецких офицеров. Они на все вопросы твердят одно: «Гитлер капут!». Да, не те уже фашисты. Однако проклятые сопротивляются яростно. Но напрасно... Сейчас тихо. Готовимся к штурму Дрездена... Твой сын Петрос».

Так писал матери Мирзоян

утром 19 апреля 1945 года, а в полдень он повел своих бойцов в очередную атаку. Враг встретил роту ураганным огнем. Один из снарядов разорвался совсем рядом с Петросом. Последнее, что он помнил, это возглас «Командир ранен!» и склонившееся над ним встревоженное лицо сержанта Никифорова.

Затем был полевой госпиталь и приговор хирурга: «Ампутация». Но как же он будет без ног? Значит, из армии отправят домой, потому что безногим в строю делать нечего. А дома? Прийти калекой на иждивение матери, которая его растила и верила в него?

... После операции Мирзояна эвакуировали в глубокий тыл. Раны залечивались тяжело, медленно, и Петрос все чаще и чаще впадал в отчаяние. Не вот как-то после концерта, который дали раненым воинам школьники, к его кровати подошел симпатичный мальчуган и протянул букетик полевых цветов.

— Спасибо, дорогой, — поблагодарил Мирзоян. — А что это с твоими руками?

— Фашисты пальцы отрубили.

— То есть как отрубили?

— Топором. Я, дяденька, в оккупации был...

И мальчик рассказал, как однажды к ним в деревню нагрянул карательный отряд. Прямо на его глазах изверги расстреляли маму и бабушку. А потом офицер приказал мальчику почистить ему сапоги. Тот отказался. Тогда фашист схватил его за шиворот, топором отрубил мальчику пальцы.

— А батя у меня на фронте. Он обязательно отомстит иродам и за меня, и за маму, — закончил свой жуткий рассказ мальчуган.

С тех пор мальчик часто навещал Мирзояна. С его помощью офицер впервые надел протезы и встал на костыли. Скрипя зубами от боли, сделал он первый шаг. Затем еще, еще... Потом он решительно отказался от одного костыля, а вскоре и второй заменил на тросточку.

НАУЧИВШИСЬ заново ходить, Петрос Мирзоян все острее чувствовал, что жизнь для него не кончилась. Начал осваивать мирную профессию часовщика. И освоил. Более 40 лет он часовщик, воспитал не один десяток учеников.

Вот и получается, что такие люди, как бывший фронтовик Мирзоян, крепче любого смертоносного металла.

М. ОВАНЕСЯН,
ветеран войны, член Союза журналистов СССР.